

14 СЕН 1969

БОЛЬШОЙ, МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Завтра болгарский народ отмечает 23-ю годовщину провозглашения Народной республики. Многолетняя дружба связывала генерального секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Георгия Димитрова и замечательного актера Малого театра, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Всеволода Николаевича Аксенова. Вс. Аксенов оставил записки о своих встречах с Георгием Димитровым, которые мы предлагаем вашему вниманию. Страницы из воспоминаний своего отца подготовил к публикации А. Аксенов.

ПОЗНАКОМИЛСЯ я с Георгием Михайловичем Димитровым на Кавказе, в Ликанском доме отдыха около Боржоми. С раннего утра в украинской рубашке, с неизменной трубкой, набитой сухумским табаком, он любил уезжать в горы. Взявшись за развалины древних замков и крепостей, заходил в окрестные аулы и беседовал с жителями, расспрашивал их о жизни. Однажды Георгий Михайлович организовал поездку на машинах в Абастумани. Хотел туда проехать незаметно — не тут-то было! В каждом селении жители задерживали машину, выходя навстречу с фруктами и вином, приглашая к столу. Георгий Михайлович был в замечательном настроении, несколько раз выступал на стихийно возникающих митингах. По приезде в Абастумани он поднялся на перевал и долго молча смотрел на далекое Черное море. В дом отдыха мы вернулись только через несколько дней.

По вечерам мы часто гуляли с Димитровым по чудесному ликанскому саду, спускались к извилистому живописному берегу бурной Куры. Часами говорили о театре, Георгий Михайлович просил меня читать Пушкина и Чавчавадзе по-грузински. Он слушал незнакомый язык, как музыку...

И вот прошло тринадцать лет... Осенью 1946 года мне довелось ехать в первую послевоенную заграничную поездку во главе бригады советских артистов. София встретила нас как родных. И в один из первых же дней мы встретились с Георгием Михайловичем — организатором Отечественного фронта. За эти годы он очень похудел, черные усы несколько изменили его лицо. После первого концерта в Софии, несмотря на поздний час, он долго не отпускал нас... И здесь, за празднично убраным столом, зашла речь о том, как хорошо было бы, если бы мы приняли участие в спектаклях Национального народного театра. Подходящая пьеса тут же была намечена — «Горе от ума» Грибоедова.

Через несколько дней появились афиши и объявления в газетах о предстоящих спектаклях. Была назначена первая репетиция. Мы усиленно изучали болгарские реплики. Самым трудным оказалось то, что язык очень схож с русским. Нам казалось, что легче запоминать совсем иную речь, чем близкую по звучанию.

И вот день спектакля. Ко мне непрерывно забегали артисты, не занятые в пьесе, чтобы пожелать удачи и русского «ни пуха ни пера...».

Перед самым началом спектакля мне принесли большой букет красных роз с запиской: «Уверен в успехе. Обнимаю. Г. Димитров».

Спектакль начался в назначенное время, минута в минуту, а на пло-

Вс. Аксенов в гриме Г. Димитрова.

щади перед театром все еще толпились люди... Но все проходы в зале были заполнены.

После третьего акта на сцене при открытом занавесе состоялось чествование советских артистов. Секретарь ЦК активных борцов против фашизма вручил нам Знаки Почета — награду организации Отечественного фронта.

Этот праздник продолжался и после спектакля в клубе искусств, где наши болгарские друзья говорили об освобождении славянских народов, об их нетерпеливом ожидании этих дней, открывших светлый путь счастья и дружбы, о процветании болгарской культуры, которая так родственна и близка русской культуре.

Георгий Михайлович тепло простился с нами и просил меня передать от него болгарский пионерский значок моему сыну.

Все мы знали, как много важных, сложных вопросов жизни своей страны решал в те дни генеральный секретарь ЦК Компартии Болгарии Георгий Димитров. Тем дороже было

внимание, человеческая забота, которой окружил он нас, представителей советского искусства. Впоследствии, когда между нами пролегли месяцы и расстояния, мы все равно чувствовали, что этот большой, мудрый человек остался нашим другом, живо интересующимся нашей жизнью, работой.

КАК часто и подробно вспоминал я встречи с ним, когда впоследствии был приглашен сниматься в фильме «Заговор обреченных».

Автор пьесы Н. Вирта вместе с режиссером-постановщиком М. Калатозовым стремился обобщить события, происходившие в странах Восточной Европы, начавших строить социализм. Название страны, где происходило экранное действие фильма, не указывалось. Но прообразом порученной мне роли Николы Славено — генерального секретаря компартии — был Георгий Димитров. Это обстоятельство подсказывало не только определенный грим, но и максимальное приближение всего внутреннего и внешнего рисунка роли к образу Димитрова.

В этой работе, безусловно, очень пригодился опыт моих концертных выступлений с чтением речи Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе. Знаменитая речь была включена в литературную программу «За Родину, за мир!...». Но все же это было только чтение. Правда, уже тогда совершенно естественно приходили на память характерные димитровские жесты: широкий взмах рукой, медленное покачивание головы из стороны в сторону, интонации его голоса, переходившего от спокойных, тихих нот до страстного ораторского восклицания.

Теперь я должен был играть человека, очень похожего на Георгия Димитрова. Зерном роли, фарватером моих поисков была та непоколебимая убежденность в правоте своего дела, которую Георгий Михайлович пронес через весь путь борца и созидателя. И вместе с тем мне хотелось передать, воплотить огромное, прекрасное человеческое обаяние этого веселого, трогательного человека!

Когда Москва провожала в последний путь великого сына болгарского народа и его гордая седая голова покоилась среди цветов в гробу, установленном на артиллерийском лафете, многим, знавшим его, казалось, что Димитров улыбается...

Мы трудно теряем наших друзей, близких, родных... Но редко бывает так, что невольно ловишь себя на желании поделиться с ушедшим мыслями и чувствами, как с живым. Когда я смотрю на портрет Георгия Михайловича с теплой дарственной надписью, я, как будто это все было вчера, вспоминаю мои встречи с ним, и свет их согревает — свет, навсегда оставшийся в памяти.